

Линь Фэнмин произнес это с таким невозмутимым видом, что Янь Юнь, не ожидавший подобного, едва не поперхнулся собственным дыханием. Он буквально застыл на диване.

За все тринадцать лет — от момента знакомства до семи лет брака — Киноимператор ни разу не слышал от него ничего подобного. На мгновение он совершенно растерялся, напоминая влюбленного юнца, который внезапно получил ответ на свои чувства. Только спустя долгое время он сумел выдать:

— Ты...

Заметив его реакцию, Линь Фэнмин не удержался от легкой усмешки:

— Пошутил я. Ну и слабак же ты.

Шутил он или нет — знал только он сам. Но Янь Юнь, очевидно, не поверил. Как не поверили и зрители:

[А-а-а-а! Кто вообще может перед этим устоять?!]

[Черт, Юньцзы просто сидит и ничего не делает! Каким образом он заставляет сердце моего профессора трепетать?!]

[Юньцзы: «Может, потому что это вообще-то моя жена?»]

[Они точно семь лет в браке?! Вы посмотрите на них!]

[Боже, когда холодный красавец внезапно идет напролом — это так цепляет! Кто-нибудь, помогите мне, я сейчас сознание потеряю!]

[В каждой шутке есть доля правды! Ниннин, даже не пытайся оправдаться!]

[Мне кажется, или Ниннин стал куда откровеннее с начала шоу? Это же не галлюцинация?]

Такое чувство было не только у зрителей, но и у самого Линь Фэнмина.

Раньше Янь Юнь полагал, что муж не любит публичность и камеры, потому что боится бередить старые раны. Но позже он осознал: его партнер куда сильнее, чем кажется. То, что другие считали болезненным шрамом, для самого профессора было лишь хроникой пережитых бедствий. Он никогда не ненавидел свои страдания, но и не благодарил их. Боль была просто

болью, а благодарности заслуживал только он сам — Линь Фэнмин, который выстоял.

Он молчал лишь потому, что считал всё связанное с семьей Линь грязным и никчемным. Но каждый раз, когда Янь Юнь осторожно подбирался к этой теме, Линь Фэнмин сам начинал описывать свое тернистое прошлое.

Профессор не любил свет софитов не из страха, а из-за отсутствия в этом необходимости. Болезненное детство сделало его таким: порой он ощущал себя чужаком, затерянным в толпе, который холодным взглядом наблюдает за поведением людей и лишь имитирует их реакции, не испытывая при этом ничего.

И это была еще одна причина для развода, о которой он никогда не говорил вслух. Он презирал всё, что было связано с семейством Линь, но однажды с ужасом осознал: в его жилах течет та же кровь.

Линь Цзянькунь и Линь Юнхуэй были одержимы «сохранением лица», и Фэнмин перенял это в еще более острой форме. Он был настолько честолюбив, что не позволял ничему выйти из-под его контроля. Его родители из кожи вон лезли, чтобы навсегда привязать его к больному брату, Линь Аню. Фэнмин ненавидел это до глубины души, но в итоге обнаружил, что поступает еще хуже: не имея никаких кровных уз, он намеревался привязать Янь Юня к себе на всю оставшуюся жизнь.

Он был всего лишь образованным и воспитанным членом семьи Линь. В корне он ничем не отличался от тех людей — напротив, был куда опаснее и безумнее в своих стремлениях. Линь Фэнмин не раз представлял, как одним ударом ножа избавляется от отца и брата. В его снах дом Линей утопал в крови, а он лишь безучастно наблюдал за этим, лишенный и тени сочувствия.

В конечном счете он отказался от этих мыслей. Не из страха, а лишь потому, что боялся очернить этим Янь Юня. Однако сейчас, за эти несколько дней на шоу, Линь Фэнмин почувствовал, как в его душе что-то меняется. Каждое признание, сорвавшееся с губ, было подобно трещине в ледяном панцире, сквозь которую внутрь просачивалось тепло. Это было странное чувство, но оно не вызывало отторжения.

Янь Юнь так и не пришел в себя после его слов. Он хранил молчание до тех пор, пока ведущий не постучал в дверь виллы с планом мероприятий на неделю.

— Добрый вечер всем, — улыбнулся Цяо Шань. — Мы подготовили для вас семь плодородных участков, на которых уже созрел урожай. Ваша задача на ближайшую неделю — выбрать поле, собрать урожай и засеять его семенами, которые предоставит наша команда. Это символизирует, что ваши чувства принесли плоды в этом году и готовы к новому циклу процветания.

Слова ведущего звучали двусмысленно. После ухода Чжэн Чуханя его партнер, по логике, не мог рассчитывать на «урожай чувств», но реальность говорила об обратном. Пока остальные

участники сохраняли спокойствие, Дуань Синбэй не удержался и бросил взгляд на Жуань Сяня. Его любопытство наверняка вызовет волну обсуждений среди фанатов Жуаня, хотя сейчас это мало кого заботило.

Цяо Шань закончил объяснение правил и продемонстрировал четыре фотографии и четыре пакета документов:

— Итоговая оценка будет зависеть от двух факторов: количества собранного урожая и того, как семена взойдут следующей весной. После того как вы засеете поля, за ними будет приглядывать персонал шоу вплоть до вашего возвращения во втором сезоне.

Шоу «Притворная любовь» состояло из двух частей — это было прописано в контракте, но никто не ожидал, что задание затянется на столь долгий срок.

— Если возражений нет, — Цяо Шань обвел всех взглядом, — прошу гостей выбрать понравившиеся участки в порядке очереди.

Из-за ухода одного участника правила изменились: теперь выбор делали не пары, а каждый по отдельности. По сумме баллов Линь Фэнмин и Янь Юнь делили первое место. Из всех присутствующих они, пожалуй, лучше всех разбирались в сельском труде, но после короткого обмена взглядами оба неожиданно выбрали самые запущенные и бесплодные участки. Присутствующие на миг замерли, но быстро поняли: супруги просто уступают лучшие земли остальным.

— Мы, конечно, не мастера, — подал голос Чэн Сюй, — но вы честно заслужили лидерство. Не стоит так сильно оглядываться на нас.

Янь Юнь усмехнулся и посмотрел на Линь Фэнмина:

— Дело не в вас. Просто на хорошей земле любой справится, там таланта не разглядишь. А вот привести в порядок заброшенный клочок земли — тут-то и проявляется истинное мастерство, верно, Профессор Линь?

— И какое же мастерство может проявить такой барин, как ты? — парировал Линь Фэнмин. — Не смейся людей.

Мужчина не обиделся, лишь коротко хохотнул:

— Этот «барин», между прочим, собрал весь урожай пшеницы у твоей семьи. Помнишь, что по обычаям вашей деревни ты должен был сделать в ответ?

Линь Фэнмин поднял на него взгляд:

— Всё, что должен, я уже отдал. Или ты решил потребовать проценты?

Значение этих слов было понятно лишь им двоим. На губах Янь Юня заиграла довольная улыбка. Зрители, словно гончие, почуяли след, но никак не могли понять, о чем идет речь. Когда поля были распределены, Дуань Синбэй не выдержал:

— Профессор Линь, Киноимператор Янь правда убирал пшеницу в вашей деревне?

— Да, — лаконично подтвердил Линь Фэнмин.

— Но... — Дуань Синбэй замялся. — Ваша семья ведь так к вам относилась. Зачем вы вообще туда вернулись? Я бы на вашем месте и пальцем не пошевелил.

Профессор бросил взгляд на мужа. Обычно прямой и резкий, сейчас он, казалось, затруднялся с ответом. Янь Юнь же расплылся в улыбке:

— Знаешь, какой в их краях обычай?

— Какой? — с живым интересом спросил юноша.

— Раньше деревня была очень бедной, и девушки не хотели выходить замуж за местных. Чтобы удержать их, придумали правило: любая дочь, ушедшая в чужой дом, обязана каждый год привозить деньги родителям и братьям. Иначе за спиной будут шептаться, что она забыла свои корни.

Зрители и Дуань Синбэй слушали, открыв рты.

— Как же так?! — наконец выдохнул Дуань. — Ни дома, ни земли дочери не оставляют, так еще и деньги с неё тянут? Это же грабеж!

— У дочери в этой деревне нет своего дома, — негромко произнес Линь Фэнмин. — Поэтому со временем женщины нашли второй путь.

Му Ян тоже прислушался:

— И в чем он заключался?

— Девушка могла вернуться с мужем и вместе с ним убрать урожай пшеницы за один сезон, а затем вспахать поле под следующий. Это считалось окончательным расчетом с родителями за их «заботу», — подхватил Янь Юнь. — После этого она считалась свободной от долга и могла навсегда разорвать связи с деревней, объявив об их прекращении.

Все замолчали, пораженные жестокостью этого выбора. Наконец Чэн Сюй произнес:

— Но ведь это огромный риск... Если муж окажется негодяем, девушке некуда будет вернуться.

— Именно поэтому позже, когда женщины получили возможность обеспечивать себя, они стали просто уходить, — пояснил Линь Фэнмин. — И эти варварские обычаи канули в лету.

При этих словах профессор бросил на Янь Юня колючий взгляд. Дуань Синбэй, почувствовав неладное, спросил:

— Но если обычай исчез... были ли те, кто следовал ему в последние годы?

Линь Фэнмин отвел глаза. На его лице читалось раздражение, но уголки губ предательски дрогнули:

— Почти никто. Кроме одного идиота.

Янь Юнь с нескрываемой гордостью рассмеялся:

— Я в одиночку сжал всё их поле. Он просто сидел на меже и наблюдал. Его родня думала, что он одумался и привел бесплатного раба, из которого можно и дальше сосать кровь.

Дуань Синбэй слушал, затаив дыхание, словно захватывающую легенду:

— И что было дальше?

— В деревне его всегда травили, говорили, что он слишком красив — прямо как девка, — голос Янь Юня стал жестче. — Они думали, что «девка» — это клеймо, повод для насмешек? Что ж, я решил сыграть по их правилам. Когда я бросил последний сноп к ногам его отца и деда, я сказал им: «Этот человек теперь принадлежит мне. Все долги выплачены, и больше вы его не увидите».

Янь Юнь не стал описывать реакцию семьи Линь, но это несложно было представить. Старики, считавшие Фэнмина своей собственностью, никак не ожидали такого финала. Они думали, что двое «бесстыдных» попытаются вымолить прощение тяжким трудом, а получили сокрушительный удар. Самый ценный ресурс, который они планировали эксплуатировать вечно, просто исчез.

Вся их спесь обернулась против них самих. Они так и не поняли, что из их «клетки» бегут не к кому-то, а от них — страстно, осознанно, ради собственного спасения.

Чат трансляции ликовал:

[Боже, это лучший сценарий возмездия в истории!]

[Представляю рожи этих стариканов, когда до них дошло! Ха-ха-ха!]

[Зная характер Юньцзы, он наверняка еще и парой ласковых их приложил!]

[Юньцзы чертовски прав! Какая разница, на кого он похож? Если красота — это признак «девки», то все девушки в мире — самые прекрасные создания! Получайте, старые хрычи!]

[«Этот человек принадлежит мне»... А-а-а-а! Как же это чертовски сексуально!]

[Ниннин в детстве наверняка был прекрасен, как фарфоровая куколка. Представляю, как они захлебывались от зависти. Дайте я его поцелую!]

[Погодите... Юнь-цзы в одиночку вспахал и сжал целое поле?! Вы представляете, какая у него выносливость? Я невольно представляю сюжеты про деревенского атлета и первого красавца села...]

Зрители были в восторге, но Линь Фэнмин при упоминании тех событий начинал злиться. Тогда Янь Юнь, желая утереть нос его родне, так вымотался, что его плечи превратились в один сплошной кровоподтек, а ладони покрылись мозолями, которые то и дело кровоточили.

— Ты еще и гордишься своей глупостью? — не выдержал профессор. — Тебе обязательно было связываться в их игры и так надрываться? Можно было просто разорвать отношения и никогда не возвращаться, зачем было столько слов?!

— Есть такая вещь, как справедливость, — Янь Юнь повернулся к нему. — Я хотел ударить их их же правилами, чтобы им нечего было возразить.

Линь Фэнмин нахмурился и отвернулся. Любому было ясно, что он просто переживает за мужа, но он продолжал играть в «кошки-мышки» с собственными чувствами.

Закончив подготовку, Цяо Шань ушел. Участники тактично не стали обсуждать, почему Чэн Сюй и Му Ян выбрали соседние поля, оставив Жуань Сяня в одиночестве. Зрителей же это мало заботило — после исчезновения Чжэн Чуханя все ждали завтрашнего дня. Эта ночь обещала быть жаркой в плане обсуждений.

***

Линь Фэнмин и Янь Юнь вернулись в комнату. Профессор начал расстегивать пуговицы, собираясь в душ, но муж перехватил его запястье и притянул к себе. Линь Фэнмин не сопротивлялся, лишь поднял взгляд:

— Что еще?

Мужчина молчал, медленно поглаживая его запястье большим пальцем. Это прикосновение вызывало у Линь Фэнмина странный зуд.

— Отпусти.

— Ты сказал, что уже всё отдал за то время... но я иногда думаю, — голос Янь Юня стал хриплым. — В те дни в деревне... ты правда был таким наивным или всё это было твоим тонким расчетом?

Линь Фэнмин не сразу понял, о чем речь, но, осознав, невольно улыбнулся:

— А ты как думаешь?

***

Когда они только приехали в деревню, Линь Фэнмин наотрез отказался жить в доме Линей. Янь Юнь, недолго думая, на первые же деньги, заработанные со съемок клипа, купил старую хижину на окраине. Даже для деревни это были приличные деньги — несколько десятков тысяч юаней. Линь Фэнмин, узнав об этом, три дня не разговаривал с ним, устраивая ледяные скандалы.

Янь Юнь не считал себя виноватым и спорил в ответ. К тому моменту, когда они закончили ремонт, а спор так и не был разрешен, за остатком денег явился бывший владелец дома. Линь Фэнмин стоял на пороге с совком в руках, продолжая отчитывать мужа:

— Ты глуп, как пробка! С чего ты взял, что это хорошая идея?! Если я скажу, что хочу виллу, ты завтра пойдешь и продашь себя на органы?!

В этот момент вошел мужчина — тот самый «неудачник», который пытался покорить город, но в итоге лишь проедал деньги сестер. Увидев профессора, он просиял:

— Нинъань?! Это ты?

Линь Фэнмин недовольно сощурился:

— Мы знакомы?

Янь Юнь, который в это время безуспешно пытался разжечь печь на кухне, уже был на взводе. Услышав посторонний голос, он собрался было выйти и прогнать наглеца, как вдруг услышал:

— Ты не помнишь меня? Это же я, Мяо Чанъань! Мы в детстве вместе овец пасли... Можно сказать, мы — друзья детства!

Это было всё равно что наступить тигру на хвост. Линь Фэнмин не ответил, лишь задумчиво оглядел гостя:

— Так этот дом был твоим?

Мяо Чанъань закивал, как заведенный:

— Да-да! Я слышал, ты поступил в Университет Т, всё хотел навестить тебя...

Киноимператор почувствовал, как ярость закипает в груди. Он отбросил занавеску и вышел. Высокий, атлетичный, с обнаженным торсом — после работы на кухне он был разгорячен, а его мускулы перекачивались под кожей, всем своим видом говоря: «Не подходи — убью».

Мяо Чанъань осекся на полуслове:

— А это кто?

Линь Фэнмин метнул в мужа раздраженный взгляд и представил его гостю:

— Мой мужчина. Тот самый простак, который купил твою развалюху.

Янь Юнь, выросший в мегаполисе, никогда не слышал такого... деревенского обращения. И уж тем более из уст Линь Фэнмина. Он буквально застыл на месте. Мяо Чанъань тоже опешил. На его лице отразилась сложная гамма чувств: от шока до странного, почти восторженного сожаления.

— Так ты, Нинъань...

Янь Юнь мгновенно почувствовал неладное. В его голове завывала сирена. Линь Фэнмин же, привыкший к деревенским нравам, просто нахмурился. Мяо Чанъань поспешил добавить:

— Нет-нет, я ничего такого не имел в виду! Просто... мир тесен. Помню, в детстве я считал тебя девчонкой и даже обещал жениться, а оно вон как вышло...

Линь Фэнмин холодно оборвал его:

— Уже поздно. Ты ведь за деньгами пришел?

— А... да, верно.

Линь Фэнмин, повернувшись к Янь Юню спиной, достал телефон:

— Давай код, переведу.

Выпроводив назойливого «друга детства», профессор заглянул на кухню. Печь была холодной, кругом сажа. Он не удержался от насмешки:

— Даже огонь развести не можешь. Иди отдохни, барин.

Янь Юнь чувствовал себя так, словно его окунули в чан с уксусом. Ревность разъедала его изнутри. Те темные, собственнические мысли, которые он клялся похоронить после свадьбы, лезли наружу одна за другой. Он пытался сдерживаться, чтобы не напугать Линь Фэнмина, но в следующие дни Мяо Чанъань повадился приходить к их полю: то воду принесет, то фрукты.

Янь Юнь мрачнел с каждым часом. Линь Фэнмин же вел себя как ни в чем не бывало: он принимал всё, что приносил «друг», но, съев пару кусочков, отдавал остальное мужу. Тот, сгорая от ревности, давился этими фруктами, лишь бы они не достались профессору.

Через пару дней он не выдержал. В тот день Мяо Чанъань пришел прямо к ним домой. Он заявил, что ему негде ночевать в деревне, а дом когда-то принадлежал ему — не пустят ли его пожить пару ночей?

Янь Юнь процедил сквозь зубы одно слово:

— Проваливай.

Мяо Чанъань был шокирован такой грубостью. А Линь Фэнмин, услышав это, лишь изогнул бровь, и в его взгляде промелькнуло одобрение.

— Я перевел тебе немного денег на телефон, — произнес профессор, игнорируя испепеляющий взгляд мужа. — Считаю это благодарностью за то, что подкармливал моего мужчину эти дни.

После этой фразы Мяо Чанъань побледнел и понуро ушел. Янь Юнь же, словно взведенная бомба, не проронил ни слова до самого вечера.

Ночью Линь Фэнмин вышел из душа в легкой тонкой рубашке и коротких шортах. Он сел на кровать, поджав под себя белые ноги. Янь Юнь, вышедший следом в одних свободных шортах, замер. Его дыхание мгновенно стало тяжелым.

— Чего стоишь? — Линь Фэнмин поднял на него глаза.

Он шагнул к кровати и, перехватив его руки, прижал к изголовью. Профессор даже не моргнул.

— Что такое?

— Кем ты назвал меня днем? — прохрипел Янь Юнь.

Линь Фэнмин посмотрел ему прямо в глаза:

— Своим мужчиной.

Киноимператор уткнулся лицом в его шею, вдыхая аромат кожи:

— ...Разве я похож на твоего мужчину?

— С чего такие вопросы?

— Если бы был похож... — он буквально выплюнул эти слова, пропитанные ревностью. — Разве всякие олухи смели бы искать встречи с тобой прямо при мне?

Линь Фэнмин усмехнулся:

— Ну, значит, не очень-то и похож.

Янь Юнь замер. Он сам спросил, но ответ ему совсем не понравился. Он поднял взгляд:

— И штамп в паспорте есть, и урожай за тебя убран... Что еще не так?

Линь Фэнмин прищурился. Он обвил руками шею мужа и прошептал ему на самое ухо, касаясь пальцами его груди:

— Всё это лишь формальность. А когда между нами только формальность — всегда найдется место для посторонних... Братец.

Это было сказано в порыве озорства, но слово «братец» сработало как детонатор. В ту ночь на жесткой деревенской кровати они впервые стали по-настоящему близки.

Да, это был их первый раз. Несмотря на полмесяца брака и три года отношений, до того

момента они лишь целовались. Янь Юнь тогда был до нелепости принципиален, считая, что совместная жизнь без свадебной церемонии — это неправильно. Так они и спали бок о бок под общим одеялом.

Линь Фэнмин тоже не стремился к большему — у него не было опыта. В ту ночь он просто хотел подразнить мужа. Но Янь Юнь вспыхнул мгновенно. Свежие мозоли на его ладонях еще не успели сойти.

Профессор плакал, умолял, называл его и мужем, и братцем. В ту ночь его двадцатилетняя выдержка разлетелась в прах. Он дрожал, сгорая от незнакомого стыда, и хотел лишь одного — провалиться в забытие. Но чем больше он поддавался, тем безумнее становился Янь Юнь.

Те две недели в деревне стали для них своеобразным медовым месяцем. Пока другие пары нежились в отелях, Линь Фэнмин стонал на деревенском топчане, сжатый крепкими руками. Сила мужа казалась бесконечной: днем он пахал в поле, ночью — изводил партнера.

К утру Линь Фэнмин был не в силах даже разжечь печь. Под его застиранной рубашкой скрывались багровые отметины. В те дни он чувствовал почти физическую слабость при виде супруга. Стоило им начать спорить, как Янь Юнь внезапно замолкал, глядя на него потемневшим взглядом. В следующую секунду он просто подхватывал профессора на плечо и уносил в дом.

Линь Фэнмин стал еще нелюдимее. Он обходил соседей стороной, боясь, что муж снова потеряет голову. Но при этом он ни разу не оттолкнул его. Каждую ночь он кусал пальцы, пытаясь сдержать стоны.

Ни один из них тогда не понял, что именно в той деревне зародилась всепоглощающая собственническая страсть Янь Юня. Линь Фэнмин сам приручил этого зверя, и теперь ему же приходилось пожинать плоды. Ему хватило недели, чтобы привыкнуть к этой новой грани их отношений. Когда последний сноп был брошен к ногам Линь Цзянькуня, а семья Линь зашлась в воплях от унижения, Линь Фэнмин думал лишь об одном: как он выдержит разлуку, когда уедет за границу.

Он был предельно честен с собой: если он любил, то любил всем сердцем. Но он никогда бы не признался, что тогда, в деревне, он провоцировал Янь Юня осознанно. Хотя муж ему, конечно, не верил.

***

В спальне виллы Янь Юнь крепко держал его за талию. Их лица были так близко, что кончики носов соприкасались. Он не требовал ответа — он просто наклонился, чтобы поцеловать его. Линь Фэнмин уклонился, но в следующую секунду мужчина перехватил его подбородок и накрыл его губы своими в требовательном поцелуе.

— Ты всегда так... — прошептал Янь Юнь, оторвавшись от его губ. — Сначала дразнишь, потом делаешь вид, что сопротивляешься. А если я перестану — начнешь злиться. Признайся: в деревне ты всё понимал. Ты просто прикидывался дурачком.

Линь Фэнмин молчал, поджав губы. Янь Юнь почувствовал, как старая обида и ревность снова вскипают в нем.

— Ты нарочно злил меня тем парнем... — Янь Юнь больше не был тем робким юношей, который боялся напугать новобрачного. Он прищурился, явно намереваясь припомнить мужу всё. — Заставлял меня есть то, что он приносил. Не думаешь, что пора платить по счетам?

Линь Фэнмин поднял на него взгляд и усмехнулся:

— Ты явно забыл о своем положении... Сейчас ты — всего лишь посторонний мужчина, у которого нет на меня никаких прав. О каких счетах ты говоришь?

Взгляд Киноимператора потемнел. Он приподнял его за талию, разводя его бедра своим коленом:

— А если этот мужчина решит переспать с тобой... как это будет называться?

Линь Фэнмин опустил ресницы. Его голос прозвучал почти невесомо:

— Это будет называться... тайной связью.

<http://bllate.org/book/15367/1412220>